

ХОДИЛ ПО ЗЕМЛЕ ЛЕГКО И СКОРО...

В канун дня рождения народного артиста СССР Игоря Владимировича Ильинского — завтра ему исполнилось бы 90 лет — хочу рассказать о своей встрече с ним в 1978 году.

ТОГДА я работала в газете, которая каждую неделю в рубрике «Субботние встречи» публиковала интервью с деятелями науки и культуры. В то время известные люди страны не говорили о своих политических взглядах — считалось, что у всех они одинаковы, не ругали противников — считалось, что их нет, они просто рассказывали о своем деле, успехе, последнем достижении — и как это ни странно сейчас слышать, дела были, успехи и достижения — кстати, немалые! — тоже. Редакция же вполне еще молодой газеты жила очень дружно, творческие вопросы частенько обсуждались за чаем. Вот и в тот раз собрались, поболтали, а заодно и выяснили, что на субботу ничего достойного нет. Стояло лето — отпуска, дачи. «Отловить» кого-либо в Москве было трудно, но в мечтах, как всегда, грезился «максимум», и уж не помню кем, но произнесено было имя Ильинского. И как-то сразу все поняли: ну, конечно, он — и только он! Да вспомните же: и премьеры прошедшего театрального сезона в Малом — пьеса Иона Друцэ «Возвращение на круги своя», где Ильинский играет Льва Толстого. Какое солижение: великий писатель — великий артист! Как же это вообще мимо нас прошло? И завертелось!

Литчасть Малого молчала, позвонили знакомой редакторше на радио, где часто записывался Игорь Ильинский. Ответила:

— В Москве Ильинского нет — он на даче. Поезжай прямо туда, — и назвала известный подмосковный поселок.

Не сговариваясь? Такого со мной еще не было. «Поезжай», — убеждали вокруг, — Ильинский интеллигентный человек, не прогонит... Снабдили редакционным диктофоном — плоским, довольно тяжелым чехомоданчиком, похожим на тот, в котором сейчас носят пишущие машинки (портативных диктофонов и в помине не было), двумя кассетами, показали, на какие клавиши нажимать... Дома, узнав, что я еду к «самоу Ильинскому», вызвался помочь нести диктофон муж. И мы поехали.

Помню, в электричке меня не покидало ощущение какой-то приподнятости, эйфории даже. Я чувствовала себя бывалым репортером, которому все нипочем. Ни на секунду я не усомнилась, что найду дачу Ильинского, и он примет меня. Все представлялось удивительно простым и ясным. Вспоминались забавные кадры из «Волги-Волги», «Карнавалной ночи» — в них великий комик казался таким обыкновенным, рядовым, доступным. С тем же ощущением шла я и от станции, когда вдруг на другой стороне неширокой проселочной дороги увидела идущего навстречу старика. Он был в светлых брюках, просторной рубашке, ветер развевал седые волосы. Шел он легко и скоро, как человек, привыкший много ходить по земле... Это был он — Игорь Ильинский, но так мало похожий на комедийного бюрократ, образ которого преследовал меня всю дорогу. Мы остановились. Замедлил шаги и Игорь Владимирович: наше замешательство он понял, как намерение что-то спросить, сказать... Но мы молчали, и он пошел дальше, легко и скоро...

Что было делать? Дого-

нять, просить об интервью — момент упущен, возвращаться — немыслимо. Решили все-таки пойти на дачу и — будь что будет.

Дача нашлась как-то на удивление быстро. Справа — теннисный корт, в глубине сада — дом. Толкнули калитку, а по дорожке навстречу нам уже шла невысокого роста женщина, прямая, строгая, в длинном платье. Спросила:

— Вам кого?

Мы объяснили все. Видно, растерянность не ушла еще с наших лиц, потому что Татьяна Александровна, жена Игоря Владимировича, артистка Малого театра, сыгравшая в пьесе Друцэ Софью Андреевну Толстую, не стала нам выговаривать, а сказала просто:

— Игорь Владимирович

не очень здоров, но раз уж вы приехали... Он сейчас в магазине. Здесь плохо с молочными продуктами, и иногда Игорь Владимирович идет и играет с директором магазина партию в шахматы, а тот дает молоко. Я позвоню, предупрежу, что вы ждете...

Мы сели на скамейку в саду. Игорь Владимирович скоро появился. Он узнал нас, но ничего не спросил, пригласил подняться на веранду, ненадолго скрылся в комнате, вышел, неся блюдо с крупными яблоками, поставил на стол, за которым мы уже сидели. Сел сам. И тут предательское волнение вновь охватило меня. Начала нажимать на клавиши привезенного диктофона — тот не включался. Повертела все ручки — молчит. Тогда, ясно понимая, что пауза затягивается и что все пропало, я отодвинула ненужный теперь ящик и достала блокнот.

— Вот и я тоже не доверяю технике, — подбодрил меня Ильинский и встал. Он взялся за спинку стула, немного отступил назад и громко сказал:

— Счастливая, счастливая, возвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений...

Это было неожиданно и прекрасно. Мелкий серый дождь, вдруг зашелевший за окном, подчеркивал камерность совершающегося действия. Завораживающий рассказчик, Игорь Владимирович легко переходил от одной темы к другой: от работы в театре Мейерхольда к встречам с Маяковским, от любимых ролей в кино к той, что сейчас была ему дорожее всех — к образу Толстого... Но как я казню себя до сих пор! Ну почему, почему я не сумела включить тогда этот диктофон? Я бы непременно сохранила эту запись, этот маленький спектакль, данный большим артистом нам — двум неизвестным людям, на миг вошедшим в его жизнь. Талант его был так велик, что и здесь, на быстрой темнеющей веранде, он играл вдохновенно и ярко: Толстого-мальчика, перебирающего картины детства,

Толстого-старца, подводящего итоги жизни. Листаю старый блокнот:

— Я страшился этой роли и в то же время ощущал, что готовился к ней целую жизнь. Нет, я, конечно, не предвидел, что когда-нибудь буду играть Толстого. Но по тому, как страстно мне всегда хотелось читать его прозу, играть в его пьесах, можно было понять: гениальный художник никогда не уходил из моего сердца... Главное — чтение самого Толстого, размышления над его книгами, письмами, дневниками. Ежедневно возвращаясь к его делам, его работам, к его вере и его безверию, я незаметно для самого себя проникался идеями Толстого, они невольно становились в какой-то мере и моими... Нет, я не был «мастерищем». Я только ближе подошел к гиганту, ощутил, что «есмы он». И мне стало легче. Вот уже и молчать я мог, и негодовать... Хочу ли я сказать этим, что вполне постиг внутренний мир писателя? Нет. Толстой недосажаем. Но сама попытка приблизиться к его величию — разве это не дерзкая и не благородная мечта?..

Столько лет прошло! Но я и сейчас слышу этот негромкий, со старческой хрипотой — Игорю Владимировичу уже тогда было 77 лет — голос. Вижу эти живые глаза, эти руки, в подтверждение какой-то мысли отрывающиеся от спинки стула, или цепотью, чтобы ни один падеж не выступал вперед, совсем по-толстовски берущие со стола шариковую, нет — его, Толстого, деревянную с металлическим пером ручку... И вновь пытаюсь понять, чем же все-таки стала для меня эта короткая встреча с Игорем Ильинским. Был ли это урок достоинства и благородства? А возможно — приближение к тайне артиста? Иначе почему до сих пор я слышу и шеплет мелкого серого дождя, и шуршание листьев под ногами — вестника надвигающейся осени, когда уже в первом, едва заметном сумраке шли мы к электричке, молчали, пытались удержать в памяти голос артиста?..

А потом я писала интервью и уже в Москве — Игорь Владимирович приехал сюда по делам — визировала его у Ильинского. Он провел меня в кабинет, усадил за большой овальный стол, начал читать — очень внимательно, углубленно. И по мере того, как переворачивались страницы, я все более понимала огромность разрыва между тем, что я чувствовала и что смогла выразить на бумаге... Когда отчаяние мое было полным, Игорь Владимирович собрал листки и хитро, поверх очков взглянул на меня:

— А хорошо получилось... Потом он выбирал для меня фотографию на память. Непременно хотел, чтобы это был снимок, где он в роли Толстого. И нашел. Взял ручку и стал выводить: «Милой Ирине Медведевой, Игорь Ильинский, 78 г.». В одном месте ручка запнулась на глянцевиной «пупырчатой» бумаге, пришлось взять другую. Вот и сейчас, рассматривая эту двухцветную надпись, я в деталях восстанавливаю, как все это было...

Интервью опубликовали, сказали о нем добрые, теплые слова. А еще через какое-то время открылся новый сезон в Малом, и я пошла в театр. Когда раздвинулся занавес и хрустальные бра наполнились медленным тусклым свечением, я увидела, что прикреплены они к стенам простой крестьянской избы, и совсем яснополянские деревья смыкают над ней свои кроны. Открылась дверь: на сцене появился Лев Николаевич Толстой — Ильинский, появился легко и скоро, как человек, привыкший много ходить по земле...

Ирина МЕДВЕДЕВА.

На снимке: И. Ильинский в роли Льва Толстого, 1978 год.

Фото из архива автора.